

И.СЕЛЬВИНСКИЙ – ВОЕНКОР «ЗАБЫТОГО» ФРОНТА, НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ЛАУРЕАТ СТАЛИНСКОЙ ПРЕМИИ

Пащенко Е.И.

В статье раскрыты основные события жизни и творчества известного советского поэта, уроженца Симферополя И.Л.Сельвинского в период его службы военкором газет «Сын Отечества» и «Боевой натиск» Крымского фронта (январь–май 1942г.). Проанализированы обстоятельства и обоснованность выдвижения поэта на соискание Сталинской премии за 1942 год и причины из-за которых он не стал ее лауреатом.

Ключевые слова: *И.Сельвинский, Крымский фронт, военкор, «Сын Отечества», «Боевой натиск», Сталинская премия за 1942 год, «Я это видел», «России», литературный процесс в СССР, Военная Комиссия СП СССР, Комитет по Сталинским премиям.*

Малая родина для И.Сельвинского ассоциировалась с юностью, любовью, солнцем и морем: «И если очень захочется счастья – мы с вами поедem в Крым», - говорил он [28, с.408]. Однако он знал и другой Крым. Илья Львович был свидетелем и участником трагических событий на полуострове в годы гражданской и Великой Отечественной войн.

В истории Великой Отечественной войны еще немало «белых пятен» и «забытых фронтов». В их числе до недавнего времени был и Крымский фронт (28.01.42 -19.05.42). Такая участь постигла многие операции советских войск в большинстве случаев из-за их неудачи (например, Харьковское наступление мая 1942 года; наступление Брянского фронта в январе-феврале 1942 года и многие другие). «Второе открытие» Крымского фронта теперь не генералами, а историками можно отнести к 2006 году в связи с выходом в свет первой монографии на эту тему В.В.Абрамова «Керченская катастрофа.1942» [1]. В преддверии 70-летия существования Крымского фронта внимание к его истории усилилось. В Доме-музее И.Л.Сельвинского (ДМС) в Симферополе 15 - 16 декабря 2011 года состоялись ХУП Крымские международные научные чтения И.Л.Сельвинского на тему: «Трагический опыт Великой Отечественной войны в историко-литературном осмыслении», с января по май 2012 года экспонировалась выставка «Крымский фронт глазами военных корреспондентов». Научно-исследовательская лаборатория «Крым во второй мировой войне. 1939 – 1945 гг.» (Феодосия) 29 февраля 2012 года провела научно-практическую конференцию на тему: «Крымфронт: подвиг и

память. 70 лет спустя». Внимание к событиям Крымского фронта со стороны сотрудников ДМС связано с тем, что военкор И.Сельвинский был одним из его участников от начала и почти до конца - 105 дней и ночей из 112.

Крымский фронт был образован с целью полного освобождения Крыма от немецкой оккупации. К этому времени Севастополь еще держал оборону, а на Керченском полуострове в результате Керченско-Феодосийской операции советские войска освободили значительную территорию, включая город Керчь.

Деятельность и творчество И.Сельвинского в период Великой Отечественной войны в разной степени изучали В.С.Бабенко, Д.С.Берестовская, В.Л.Гаврилюк, В.Н.Гуркович, Л.И.Дайнеко, Е.А.Некрасова, О.С.Резник, Э.Н.Филатьев и др. [3;4; 5; 6; 7; 15; 22; 29]. Наиболее полно рассматриваемая тема отражена в работах О.С.Резника, В.С.Бабенко и Э.Н.Филатьева. В монографии первого автора ей посвящена глава «Поэт на войне». В.С.Бабенко ввела в научный оборот большинство дневниковых записей, писем И.Сельвинского 1941-1945 годов. Э.Н.Филатьев первым коснулся вопроса о выдвижении кандидатуры И.Сельвинского на Сталинскую премию. Однако специальных исследований на эту тему нет, а работы трех последних авторов носят публицистический характер, не снабжены научным аппаратом.

Интересные факты почерпнуты из опубликованных воспоминаний фронтовых товарищей И.Сельвинского [16, с.101-176].

В процессе работы над темой автором также изучены монографии, статьи, справочники и другая литература, посвященная истории Крымского фронта [1;11;25].

Главным источником для данного исследования послужили фронтовые дневники и письма поэта. Их подлинники и машинописные копии, отредактированные автором, переданы семьей поэта в Крымское республиканское учреждение «Центральный музей Тавриды» (КРУ ЦМТ) и его отдел - Литературно-мемориальный Дом-музей И.Сельвинского (ДМС).

В работе использованы материалы Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ). В частности, из фонда Союза писателей СССР извлечена стенограмма расширенного заседания Военной Комиссии ССП от 13.07.42 с отчетом И.Л.Сельвинского.

Цель статьи – охарактеризовать наиболее значимые события жизни и творчества И.Сельвинского в период Крымского фронта; прояснить вопрос о том, почему автор тогда уже всемирно известных стихотворений «Я это видел» и «России», в 1942 году номинированный на получение Сталинской премии, не стал ее лауреатом.

Успех первого эшелона Керченско-Феодосийского десанта в конце декабря 1941 – начале 1942 года позволил советскому командованию осуществить

массовую переброску войск на крымский берег. В их числе были редакции армейских газет. И.Сельвинский был военкором газеты 51-й армии «Сын Отечества». Основная часть коллектива редакции вернулась в Крым в первых числах января 1942 года. 11 января на полуостров прибыл И.Сельвинский. В этот день члены редакции стали свидетелями последствий чудовищного преступления нацистов у села Багерово под Керчью. В ночь с 11 на 12 января И.Сельвинский на одном дыхании написал свое потрясающее стихотворение «Я это видел». Литературовед О.С.Резник отнес его к жанру микропоэмы [22,с.228].

По поводу создания И.Сельвинским стихотворения «Я это видел» среди авторов существуют разные мнения. Так исследователь из США М. Шраер в выступлении на ХУП Крымских международных научных чтений И.Сельвинского в октябре 2011 года высказал мнение, что поэт не мог видеть Багеровский ров, так как расстрелянные были погребены и ров засыпан до приезда И.Сельвинского в Керчь. Для прояснения этого вопроса автор обратился к воспоминаниям коллег И.Сельвинского, других очевидцев и архивным документам. Результаты этого исследования будут представлены в специальной статье. Здесь же ограничимся однозначным выводом: И.Сельвинский действительно видел Багеровский ров. Это было 11 января 1942 года [12].

По воспоминаниям главного редактора «Боевого натиска» Д.Березина, стихотворение было опубликовано в его газете «через два дня» после написания [16,с.102], т.е. 14-15 января 1942 года. К сожалению, эти номера «Боевого натиска» в Российской государственной библиотеке отсутствуют. 23 января «Я это видел» напечатано в краснодарской газете «Большевик». Широкую известность оно приобрело после выхода в «Красной звезде» 27 февраля 1942 года [23,с.41]. Еще одна публикация стихотворения была осуществлена в двустороннем буклете под названием « Не забудем, не простим!» размером в развернутый лист газеты «Правда». Он хранится в фондах Керченского историко-культурного заповедника. На одной стороне располагались фотографии, а на другой - очерк И. Анцеловича «Зверства фашистов в Керчи» и стихотворение И.Сельвинского «Я это видел». Сведения о времени и месте выхода буклета отсутствуют, указано только издательство – «Госкиноиздат» и тираж – 45 тыс. экземпляров (для сравнения: сборник И.Сельвинского 1943 года «Баллады и песни» имел тираж 10 тыс.). Керченский исследователь В.Ф. Санжаровец высказал мнение, что буклет был выпущен в конце февраля - начале марта 1942 года [24,с.54]. Следующая публикация со стихотворением И.Сельвинского, которой мы располагаем, хранится в ДМС. Это сборник № 3 «Фронтowej библиотечки» газеты «Боевой натиск». Наряду с произведениями других авторов в нем опубликовано «Я это видел!». В сборнике не указана дата его выхода. Вероятно, это произошло в январе-феврале 1942 года. В этом же году стихотворение И.Сельвинского было включено в два

сборника поэтов-фронтовиков «Кровь за кровь!» и «Дороги идут на Запад» [10,с.79-81; 9,с.12-13] , а также в книгу И.Сельвинского «Баллады, плакаты и песни»[26,с.40]. Всего же в 1942 году «Я это видел» было опубликовано в трех газетах, включая «Красную звезду» - одну из самых массовых в то время, в четырех сборниках, в буклете. Кроме того, его издали в виде листовки и разбрасывали с самолетов над позициями советских войск [5,с. 49]. В 1966 году в обзоре «Писатели в «Красной звезде» автор Л.Р.Ланской справедливо отметил, что «одним из наиболее ярких произведений советской поэзии 1942 года можно считать стихотворение И.Сельвинского «Я это видел»[13, с.295].

Таким образом, стихотворение и его автор в 1942 году приобрели широкую известность, причем не только в СССР, но и за рубежом. Биограф поэта О.Резник отмечал, что в ответ на «Я это видел» «...гитлеровский идеолог Геббельс в выступлении по радио любезно сообщил, что третий рейх уже приготовил веревку для Сельвинского...[22,с.231]. В 1943 году «...на провокационном процессе в Анкаре (Турция), затеянном фашистами для возведения ложных наветов против некоторых сотрудников советского посольства и якобы «завербованных» ими турецких граждан, прокурор специально подчеркнул в своей речи, что на обвиняемых вредное коммунистическое влияние оказали стихи Сельвинского» [Там же,с.243].

Стихотворение «Я это видел» производило на слушателей и читателей ошеломляющее впечатление. В воспоминаниях фронтовых товарищей И.Сельвинского, говорится о том, что красноармейцы, офицеры, медицинские и типографские работники были потрясены этим стихотворением[16,108]. Не дожидаясь его публикации, они переписывали его от руки и отсылали родным и близким. Б.Серман, также военкор газеты «Сын Отечества», вспоминал: «На полевой почте лежали кипы приготовленных к отправке писем с этими стихами. Под одним стихотворением было подписано: «Вот потому и воюем и уничтожаем фашистскую гадину» [29,с.133-134].

В дневнике И.Сельвинского от 1 апреля 1942 года есть запись, нигде ранее не публиковавшаяся. Она важна для данного рассказа двояко. Во-первых, она ясно показывает закулисные моменты литературного процесса в стране, а во-вторых, подтверждает широкую известность стихотворения «Я это видел»: «Приехал ... Павленко [см. Примечание 1]. ...рассказывает, что Главлит запретил «Балладу о ленинизме», т.к. там есть такие строки: Так над селением / Взмыла рука / Ставшего Лениным / Политрука.

Символика этого образа не дошла. В конце концов редакция обратилась в ЦК, а ЦК – к Сталину. Сталин велел печатать. Что касается стихотворения «Я это видел», то, по словам Павленко, - в редакцию с фронтов приходят сотни писем: вся армия потрясена!» [8].

Высокую оценку стихотворение «Я это видел» получило и у коллег поэта. В РГАЛИ хранится стенограмма расширенного заседания Военной Комиссии Союза советских писателей, на котором 13 июля 1942 года были заслушаны творческие отчеты И.Сельвинского и И.Френкеля.

И.Сельвинский в конце выступления прочитал «Я это видел», после чего писательница Р. Азарх заметила: «... есть вещи, о которых очень трудно говорить. Я хорошо понимаю Славина, который подошел и пожал ему руку, потому что говорить о «Керченском рве» как-то неудобно, неловко. Я чувствую себя подавленной мужеством Сельвинского после его стихов. Я понимаю, почему это было разбросано листовкой» [18, лл.18-19]. В этом же ключе высказались другие члены Комиссии. Писатель В.Сафонов: «... нужно быть человеком с очень мужественным сердцем, чтобы написать и даже прочитать стихотворение о рве. Я просто равного по силе не знаю» [Там же, л.20]. Писатель М.Колосов: И.Сельвинский «...достиг того лучшего, что есть в поэте-новаторе. Его действительно по-настоящему стали понимать широкие массы трудящихся, широкие слои читателей» [Там же, л.22].

28 января 1942 года Кавказский фронт был разделен на Западно-кавказский военный округ и Крымский фронт под командованием генерал-лейтенанта Д.Т.Козлова. В состав фронта кроме 51-й и 44-й вошла 47-я армия[25,с.58]. В помощь руководству Крымского фронта Ставка направила Л.З. Мехлиса, который стал вникать во все направления фронтовой деятельности, в том числе в агитационно-пропагандистскую работу. И. Сельвинский в дневнике 2 февраля 1942 года отметил, что, по слухам, Мехлису понравилось стихотворение «Я это видел». 3 февраля представитель Ставки вызвал поэта и предложил перейти из газеты 51-й армии «Сын Отечества» в печатный орган всего Крымского фронта «Боевой натиск»[3, с.33-34] . 4 февраля 1942 года И.Сельвинский приступил к работе в газете «Боевой натиск».

В «Боевом натиске» И.Сельвинский занимался не только писательским трудом, но и организационной работой. Рядовой состав Крымского фронта во многом пополнялся призывниками из Азербайджана, Армении и Грузии. В феврале 1942 года три дивизии (в каждой армии по одной) были превращены в национальные. Например, в 51-й армии национальной стала 390-я стрелковая дивизия. В ее составе были 553 русских и 10 185 выходцев из Кавказа, в их числе 7 603 человека не владели или плохо владели русским языком [25,с.58]. Поэтому фронтовая газета выходила одновременно на четырёх языках – русском, грузинском, армянском и азербайджанском. 10 февраля 1942 года И.Сельвинского назначили начальником литературного отдела всех четырёх редакций «Боевого натиска» [3,с.34]. На этой должности он столкнулся с постоянной нехваткой квалифицированных сотрудников. Из-за этого, в частности, стихотворения национальных поэтов

неделями ждали перевода на русский язык и публикации [17,л.3,6]. Несмотря на это и другие трудности И.Сельвинский успешно совмещал свою военкоровскую работу с руководством литературным отделом. На совещании писателей, работающих на Крымском фронте, 27 апреля 1942 года главный редактор «Боевой Крымской» Д.Березин в качестве положительного примера деятельности фронтового писателя привел именно И. Сельвинского. На совещании была выдвинута идея создания при политуправлении фронта писательского штаба. Первой кандидатурой в его состав был назван И.Сельвинский [Там же, л.5].

Военкору И.Сельвинскому на Крымском фронте неоднократно приходилось принимать непосредственное участие в боевых действиях. П.Антокольский в 1969 году в статье к 70-летию поэта с полным основанием писал: «...в годы Отечественной войны Сельвинский был не только поэт и журналист, прикомандированный к политуправлению фронта. Он был рядовым кадровым офицером, выносливым и храбрым, не чуждался смертельной опасности» [2].

В апреле 1942 года в Краснодаре вышел сборник стихов И.Сельвинского «Баллады, плакаты и песни». В нем, наряду с ранее созданными, были опубликованы три стихотворения периода Крымского фронта: «К бойцам Крымского фронта», «Баллада о ленинизме», «Я это видел»[26].

В этот сборник не вошло стихотворение «России», так как оно было написано 12 мая 1942 года. В этот день военкор И.Сельвинский в составе группы редакционных работников «Боевой Крымской»(Примечание 2) вылетел из Керчи в Краснодар[3,с.46]. Всем было ясно, что битва за Крым вновь проиграна. Чувства и мысли, переполнявшие И. Сельвинского в связи с этими трагическими событиями, отразились в стихотворении «России». Заметим, что редактору «Боевой Крымской» Д.Березину оно не понравилось и поэту пришлось отдать его в газету «Большевик» (Краснодар), где оно было напечатано 26 мая [30,с.71]. Затем последовали две публикации во всесоюзных изданиях – в «Красной звезде» (15 июля 1942 года) и журнале «Октябрь» № 8 за 1942 год [23,с.41]. С этого времени стихотворение получило широкую известность. В 1943 году И.Сельвинский записал в дневнике: «В день отступления из Керчи 12.05.42 написал стихотворение «России». Оно было написано «кровью сердца и соком нервов». Напечатанное затем в «Красной звезде», оно облетело все фронты и стало одним из самых популярных стихотворений войны: по словам п/агитаторов – солдаты носили его на груди. Оно вышло в момент нашего отступления от Дона на Волгу. Страна была глубоко угнетена – и «Россия» утешала, ободряла, вселяла веру в победу... Значение «России» еще более подчеркивается оценкой врага: фашисты выпустили листовку, посвященную этому стихотворению...» [3,с.49-50]. Дополним записи поэта воспоминаниями Л.Либединской [Примечание 3], которая впервые прочитала эти стихи в «Красной звезде» на стенде у входа в редакцию утром в день их публикации: « ...раз

прочитав их, я стала перечитывать снова и снова, а потом, воровато оглядевшись, - спустя полвека в этом можно признаться! – осторожно вырвала их и, быстро спрятав за пазуху, побежала домой. ...Через пятьдесят с лишком лет.. оно и сейчас на фоне безликих и подчас спекулятивных воплей о России, бесконечно трогает своей чистотой, умом и подлинностью переживаемого[14,с.].

С января по май 1942 года военкор И.Сельвинский в стихотворной форме создал семнадцать произведений, в том числе одну микропозму, три баллады, две песни, три памфлета, вошедших в «Маяковскую галерею и ее продолжение», а также большое количество агиток и подписей к карикатурам. Два стихотворения – «Я это видел» и «России» - получили широкую известность не только внутри страны, но и за рубежом, стали предметом гитлеровской антипропаганды. Кроме того, военкор опубликовал шесть очерков, рецензию и заметку. Многие из них были перепечатаны всесоюзными газетами «Красная звезда» и «Комсомольская правда» [23,с.40-41,51]. Все эти произведения пользовались большой популярностью у читателей, а их автор заслужил высокий авторитет и любовь коллег по редакции, бойцов и командиров Крымского фронта.

Вышеприведенные сведения о жизни и творчестве И.Сельвинского накануне и в период существования Крымского фронта позволяют сделать вывод о том, что выдвижение поэта на соискание Сталинской премии 1 степени в области литературы за 1942 год было полностью обоснованным. И.Сельвинский, зная о своем выдвижении, считал себя достойным получения этой престижной премии. В письме другу, литературному критику К.Зелинскому, 29 января 1943 года он писал: «Я почти полтора года на фронте, ранен, участвовал в двух наступлениях в Крыму, был у партизан в краснодарском «кусте». Рисковал, короче говоря, жизнью – и тут меня обойти невозможно. Наконец, боевой орден означает признание моих боевых заслуг[Примечание 4]. Другое дело - Сталинский лауреат... Для меня, бывшего опального человека, которого били 12 лет, для меня это было бы подлинной амнистией, Это право на творчество в полном смысле этого слова» [30,с.73].

Прежде чем рассказать о заседании Комитета по присуждению Сталинских премий, сделаем несколько отступлений.

Во-первых, следует объяснить причины расформирования Крымского фронта 19 мая 1942 года. Современные исследователи пришли к выводу, что советские войска имели реальную возможность освободить Крым в 1942 году. По ряду параметров – численности личного состава, количеству вооружений и боеприпасов – войска Крымского фронта или превосходили силы противника (по личному составу – в 2 раза), или были равны им. Однако фронт не только не выполнил свою главную задачу – освободить Крым, но и не сумел создать в районе Керчи оборонительный район, подобный еще сражавшемуся Севастопольскому. Трагедия

на Керченском полуострове произошла из-за ошибок Ставки ВГК и непосредственных руководителей Крымского фронта [1,с.88-91; 11,с.24,33].

Во-вторых, отметим, что И.Сельвинскому в поэтическом творчестве сопутствовало состояние своеобразного «соперничества» с другими выдающимися собратьями по перу. В двадцатые годы – с В.Маяковским, а в годы войны – с К.Симоновым. В 1930 году И.Сельвинский написал стихи «На смерть Маяковского», в которых назвал его своим «любимейшим врагом»[27,с.130]. Близкий друг В.Маяковского поэт Н.Асеев откликнулся на это эпиграммой: Прошли бы Вы, товарищ, мимо / Без опоздало скользких враг, / Уж если вымолвили: враг,/ То нечего скулить: любимый![19,л.32]. Естественно, что в дальнейшем отношения между Н.Асеевым и И.Сельвинским были непростыми.

В-третьих, напомним, что Сталин контролировал все области и сферы деятельности советского государства. В частности, он не просто вмешивался в литературный процесс в СССР, он часто непосредственно им руководил. Вкусы и предпочтения вождя отразились на судьбе И.Сельвинского, в том числе и на его «соперничестве» с К.Симоновым. В первые дни войны К.Симонова направили на работу в главную военную газету страны «Красная звезда». Для осуществления проекта «От Черного до Баренцева моря» ему было разрешено бывать на всех фронтах. Он первым среди писателей-фронтовиков 3 мая 1942 года был награжден боевым орденом Красной Звезды. Его стихотворения и рассказы публиковались во многих армейских, фронтовых и центральных газетах, в том числе в «Правде».

Итак, 1 марта 1943 года состоялось пленарное заседание Комитета по Сталинским премиям при СНК СССР в области литературы и искусства за 1942. В РГАЛИ сохранилась его подробная стенограмма. Содержание ее крайне любопытно. На соискание премии в области поэзии первоначально были выдвинуты произведения двадцати одного автора, затем их круг сузили до семи: М.Рыльский (стихи 1942 года), М.Светлов (поэма «Двадцать восемь»), И.Сельвинский (стихотворение «России» и другие за 1942 год), К. Симонов (сборник военных стихов), М.Исаковский («Новые стихи»), М.Турсун-Заде (стихи) и А.Твардовский (поэма «Василий Теркин»)[20,л.64].

Доклад с анализом произведений соискателей сделал Н.Асеев. Знакомство с содержанием этого документа позволяет дать высокую оценку личностным качествам докладчика. Н.Асеев предстает человеком высокообразованным, думающим, совестливым и ... мужественным. Поясним этот вывод. Безусловно, докладчик знал литературные вкусы и предпочтения Сталина. Вероятно, он даже был в курсе того, кого вождь желал бы видеть лауреатом «своей» премии. И это был не И.Сельвинский. Н.Асеев же считал, что за 1942 год главную премию страны в области поэзии заслужил именно этот поэт-фронтовик. В начале доклада Н.Асеев ничего конкретного не говорил и имен не называл. Длинное вступление он посвятил

ответу на вопрос, казалось бы, отвлеченный от итогов 1942 года – о перспективах советской поэзии. В связи с этим он обозначил три тенденции, наметившиеся в ее развитии – (1) «стилизация так называемой классики», (2) «упрощенчество Никитинской скудости языка» и (3) «свобода русского стиха от однообразного, повторяющего ритма, от ложного стихотворного пафоса» (Маяковский, Блок). Докладчик считал, что будущее – за поэтами третьей тенденции, а приверженцы первой и второй уводят «...поэзию в проулочные, боковые ее тупики, обрезывающие ее фантазию...» [Там же, лл.67-68]. В частности, поэму А.Твардовского «Василий Теркин» Н.Асеев отнес к тенденции упрощенчества и подчеркнул, что она написана «...очень грамотно, хорошим русским языком, с отличным знанием подробностей русского быта, природы, боевых будней. Главным недостатком вещи является ее бескрылость, бесподъемность. Это скачки кузнечика над травой, а не полет воображения» [Там же, л.68]. Докладчик выдвинул на присуждение премии 1 степени три кандидатуры - И.Сельвинского, М.Светлова и Б.Пастернака.

В прениях выступили восемь членов Комитета. Мнения их разделились. За присуждение премии И.Сельвинскому высказались только два человека – режиссер С.М.Михоэлс и композитор Р.М.Глиэр, но одновременно они были за кандидатуры К.Симонова и других поэтов. Для А.Н.Толстого критерием присуждения премии было не качество поэзии, а ...наличие книги, поэтому он отклонил кандидатуру И.Сельвинского: «Сельвинский – очень крупный поэт. Но пускай он сформирует целую книгу, тогда будем говорить о нем» [Там же, л.69об]. Надуманность этого аргумента очевидна – у И.Сельвинского в 1942 году вышел сборник стихов. А.Н.Толстой безоговорочно ратовал за К.Симонова, как «единственного..., который волнует все умы» [Там же]. В ответ на замечание председателя Комитета по делам искусств при СНК СССР (так назывался пост министра культуры) М.Б.Храпченко о том, что К.Симонов нетребователен к себе и напечатал в «Новом мире» «плохие стихи», советский классик А.Н.Толстой безапелляционно заявил: «Слава Богу, что написал плохие, а потом напишет хорошие» [Там же, л.71об]. Его мнение о К.Симонове поддержали режиссер В.И.Немирович-Данченко и композитор Ю.А.Шапорин. Кинорежиссер А.П.Довженко считал достойной премии поэму «Василий Теркин» А.Твардовского. А литературовед и театральный критик А.С.Гурвич не побоялся заявить: «Знаю, что Фадеев считает «Василия Теркина» грандиозным произведением, но не разделяю эту точку зрения». Зато мнение А.С.Гурвича разделял М.Б.Храпченко [Там же, л.70]. Таким образом, шестеро из восьми выступивших членов Комитета проявили политический конъюнктуризм и поддержали кандидатуры сталинских «любимчиков» – К.Симонова и А.Твардовского.

Несмотря на это Н.Асеев проявил твердость и в заключительном слове сказал: «Когда я защищаю Сельвинского против Симонова, я понимаю, что Симонов – модный и популярный, а Сельвинский – не популярный. Сельвинский – мой противник, но в поэзии он меня занимает, я хватаю его стихи. Иногда он пишет натуралистические вещи. Геббельс по поводу его стихов пригрозил пальцем и сказал: «Его первого повешу». Когда я знаю, что Сельвинский приобретает такое звучание за границей, это меня еще больше убеждает и страстность моя вполне естественна. Сельвинский как поэтическая фигура мне более интересен. Симонов стал известен, когда стали его печатать в газетах. Я слежу за ним, но весомость Сельвинского как поэтического явления выше Симонова» [Там же, л.72об.]. Не нужно быть слишком проникательным, чтобы понять, что Н.Асеев и в докладе, и в заключении обращался не столько к членам Комитета, сколько к Сталину. Он еще надеялся достучаться до него, объяснить очевидное – необходимо поддержать именно И.Сельвинского и в его лице – высокий художественный уровень поднятой им поэтической планки. Этот уровень, по мнению докладчика, и должен был стать ориентиром для дальнейшего развития советской поэзии. Учитывая сказанное, поведение Н.Асеева на заседании Комитета 1 марта 1942 года нельзя не признать мужественным.

Однако Сталину не нужна была поэзия, которая способствовала воспитанию личности, способной самостоятельно мыслить и ярко чувствовать. Его вполне удовлетворяла «тропа упрощенчества», по которой советской поэзии полагалось идти и впредь. Кроме того, в ходе Сталинградской наступательной операции (19 ноября 1942 – 2 февраля 1943 гг.) в ходе войны наметился коренной перелом и следовало славословить его «творца». Поэзия же И.Сельвинского отражала трагизм событий 1942 года с его военными неудачами (включая провал Крымского фронта), о которых Сталину хотелось поскорее забыть.

4 марта 1942 года состоялось голосование членов Комитета по присуждению Сталинских премий в области литературы и искусства, а затем его Председатель В.И.Немирович-Данченко огласил результаты. В области поэзии первую премию было решено не присуждать. Комитет рекомендовал Совету Народных Комиссаров утвердить решение о присвоении звания лауреатов второй степени М.Ф.Рыльскому и А.Т.Твардовскому. К чести одиннадцати из двадцати двух членов Комитета, скажем, что они поддержали мнение Н.Асеева и отдали свои голоса И.Сельвинскому и М.Светлову. Однако на окончательный результат это не повлияло [21, л.2].

Таким образом, надежды И.Сельвинского на «амнистию» и на «право на творчество в полном смысле этого слова» не оправдались. Вероятно, ему было в очередной раз горько и обидно. Однако он прекрасно понимал, в какое время живет и кто вершит судьбами страны в целом и поэтов в частности. В монографии

В.В.Абрамова читаем: «Интересно, что уже в это время поэт и драматург Сельвинский И. Л. не был фанатиком, этаким «кристально чистым» коммунистом, для которого вождь Сталин был предметом поклонения. Больше того, в это время он на фронте был инакомыслящим, как бы сейчас сказали, диссидентом. ... Борис Серман мне и художнику Буту Н. Я. рассказывал: «Как-то мы сидели с Ильей Львовичем в землянке вдвоем, и что-то меня дернуло похвалить Сталина. Он посмотрел на меня этаким учительским взглядом и сказал: «Боря, запомни: Сталин — это восточный деспот» [1,с.337]. В записных книжках И.Сельвинского 1941-1942 годов сохранилось немало «диссидентских» записей. Вот, например, такая: «Нужно быть примитивным, чтобы уметь управлять государством. Малейшее углубление в смысл жизни лишает политика воли»[8].

Будучи уверенными в том, что военкор И.Сельвинский в 1942 году заслуживал присуждения главной литературной премии СССР первой степени, мы несколько не умаляем значение «Жди меня» К.Симонова и «Василия Теркина» А.Твардовского. Они действительно были у всех современников на устах, пользовались огромной популярностью. В то же время, заметим, что их не печатали в виде листовок для разбрасывания над позициями войск, а Геббельса «проняла» не любовная лирика К.Симонова, а жгучие строки И.Сельвинского.

Произведения, созданные И.Сельвинским в 1942 году на Крымском фронте, оказались не подвластными времени. Их знают, читают и почитают и в наши дни. А кто сегодня знает (читает) произведения четырежды лауреата Сталинской премии П.А.Павленко?

Таким образом, И.Сельвинский на Крымском фронте честно исполнял свой долг и служил образцом профессионального военкора и мужественного кадрового офицера. В этот период он создал ряд высокохудожественных произведений, в том числе «Я это видел» и «России», ставших широко известными в стране и за рубежом. Это послужило основанием для выдвижения его кандидатуры на соискание Сталинской премии. По не зависящим от поэта обстоятельствам он не стал лауреатом главной литературной награды в СССР. Мы приходим к выводу, что причины кроются в политической конъюнктуре большинства членов Комитета, в нежелании И.Сельвинского быть «придворным поэтом», а также в провале Крымского фронта, о котором руководство государства «забыло» сразу после его расформирования. А в целом эта история еще раз подтверждает то, что советская политическая цензура не ослабевала даже в сложных условиях Великой Отечественной войны, и служит иллюстрацией к характеристике тоталитаризма в СССР в виде культа личности Сталина.

Примечания.

1.Павленко Петр Андреевич - известнейший деятель культуры сталинской эпохи, когда многие его произведения считались классикой. Четырежды лауреат

Сталинской премии 1 степени (1941, 1947, 1948, 1950).В годы Великой Отечественной войны - бригадный комиссар, специальный корреспондент газет «Правда» и «Красная звезда».

2.Либединская Лидия Борисовна (1921-2006) – советская, российская писательница, мемуарист, переводчица, литературовед.

3.Газета «Боевой натиск» 9 апреля 1942 года была переименована в «Боевую Крымскую».

4.И.Сельвинский в 1942 году был награжден орденом «Красной звезды». Число и месяц пока не установлены.

Список литературы

1. Абрамов В. Керченская катастрофа 1942 / Всеволод Валентинович Абрамов. – М.: Яуза, ЭКСМО, 2006. – 352 с.
2. Антокольский П. Поэзия! Ты служба крови! / Павел Антокольский // Литературная Россия. – 1969. – 24 октября.
3. Бабенко В.С. Крымские страницы из дневников и писем И.Л.Сельвинского / Вера Бабенко // Война глазами поэта. – Симферополь: Крымская Академия гуманитарных наук, 1994. –С.3 – 68 с.
4. Берестовская Д.С. Героическое и трагическое в военной поэзии Ильи Сельвинского / Диана Берестовская // Вестник Крымских Чтений И.Л.Сельвинского. Вып.1: Русская военная поэзия: Сб. научн. ст. – Симферополь: Крымский Архив, 2002. – С. 24 – 33.
5. Гаврилюк В. Л. Черты поэзии и жизни Ильи Сельвинского: Учебн. пособие / В.Гаврилюк. – Симферополь: КАГН, 1999. – 69 с.
6. Гуркович В. Н. Исторический комментарий к стихотворению И. Л. Сельвинского «Я это видел!» / Владимир Гуркович // Вестник Крымских чтений И. Л. Сельвинского. Вып. 2. – Стихия истории - стихия природы в творчестве И. Л. Сельвинского: Сб. научн. статей. – Симферополь: Крымский архив, 2003. – С. 89 – 95.
7. Дайнеко Л. И. Сельвинский и Керчь (ноябрь 1941-май1942) / Людмила Дайнеко // Вестник Крымских чтений И. Л. Сельвинского. Вып. 1. – Русская военная поэзия: Сб. научн. статей. – Симферополь: Крымский архив, 2002. – С. 63 – 71.
8. ДМС. Дневники 1941-1942 гг., ксерокопии.
9. Дороги идут на запад // Сборник стихов. – Краснодар: Политуправление Крымского фронта, 1942. – 34 с.
10. Кровь за кровь! Смерть за смерть! // Сборник материалов о зверствах немцев в оккупированных советских районах. – М.: Военмориздат, 1942. – 152 с.
11. Крымфронт – Аджимушкой // Сб. научн.статей. Военно- исторические чтения. Вып. 1. – Керчь, 2003. – 199 с.
12. Крымское республиканское учреждение «Центральный музей Тавриды», ККМ КП-15184/3 Д-3472.
13. Ланской Л.Р. Писатели в «Красной звезде» / Л.Ланской // Литературное наследство. Т.78. В 2 книгах. Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны. Кн. 1. – М.: Наука,1966. – С. 285 – 298.
14. Либединская Л. Спасибо, Илья Львович / Лидия Либединская // Крымские пенаты. Альманах литературных музеев Крыма. Симферополь: Крымская Академия гуманитарных наук, 1996. – №2. – С. 81 – 86.
15. Некрасова Е.А. Военная журналистика Ильи Сельвинского / Екатерина Некрасова // Вестник Крымских чтений И. Л. Сельвинского. – Вып. 2. – Стихия истории – стихия природы в творчестве И. Л. Сельвинского: Сб. научн. ст.– Симферополь: Крымский архив, 2003. – С. 76 – 84.

16. О Сельвинском. Воспоминания / [состав.Ц.А.Воскресенская, И.П.Сиротинская]. – М.: Советский писатель, 1982. – 400 с.
17. РГАЛИ, фонд 631, оп. 16, ед. хр. 95.
18. РГАЛИ, ф. 631, оп. 16, ед. хр. 104.
19. РГАЛИ, ф. 1334, оп. 2, д. 662.
20. РГАЛИ, ф. 2073, оп. 1, д. 7.
21. РГАЛИ, ф. 2073, оп. 1, ед. хр. 8.
22. Резник О. Жизнь в поэзии / Осип Резник. – М.: Советский писатель, 1981. – 582 с.
23. Русские писатели и поэты. (Советский период). Библиографический указатель / [сост.Д.Б.Азиатцев и др.; ред. Н.Г.Захаренко, И.В.Ханукова]. – Т. 23. – СПб: Российская национальная библиотека, 2000. – 576 с.
24. Санжаровец В.Ф. К вопросу о происхождении топонима «Багеровский ров» / Владимир Санжаровец // Крымфронт: подвиг и память. 70 лет спустя: материалы научно-практической конференции, (Феодосия, 29 февр. 2012 г.) / Научно-исслед. лаборатория «Крым во второй мировой войне. 1939-1945 гг.». – Симферополь: Таврида, 2012. – 167 с.
25. Саркисян С. М. 51-я армия (Боевой путь) / С.Саркисян. – М.: Военное издательство, 1983. – 286 с.
26. Сельвинский И.Л. Баллады, плакаты и песни / Илья Сельвинский.– Краснодар: Краевое книгоиздательство, 1942. – 127 с.
27. Сельвинский И. Л. Избранные произведения / Илья Сельвинский. – Л. : Советский писатель, 1972. – 960 с.
28. Сельвинский И. Собрание сочинений в шести томах / Илья Сельвинский. – М.: Худож. лит., 1971-1974. – Т. 1. – 1971. – 702 с.
29. Серман Б. День встает для добра / Борис Серман. – Симферополь: Таврия, 1987. – 240 с.
30. Филатьев Э. Тайна подполковника Сельвинского / Эдуард Филатьев // Война глазами поэта. – Симферополь: Крымская Академия гуманитарных наук, 1994. – С. 69-82.

Пашеня Є.І. І.Сельвінський - військовий «забутого» фронту, не нагороджений лауреатом Сталінської премії // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філософія. Культурологія. Політологія. Соціологія. – 2012. – Т. 24 (65). – № 1-2. – С.

У статті розкрито основні події життя і творчості відомого радянського поета, уродженця Сімферополя І.Л.Сельвінського в період його служби військовим газет «Син Вітчизни» та «Бойовий натиск» Кримського фронту (січень-травень 1942р.). Проаналізовано обставини і обґрунтованість висунення поета на здобуття Сталінської премії за 1942 рік та причини через які він не став її лауреатом.

Ключові слова: І.Сельвінського, Кримський фронт, військовий, «Син Вітчизни», «Бойовий натиск», Сталінська премія за 1942 рік, «Я це бачив», «Росії», літературний процес в СРСР, Військова Комісія СП СРСР, Комітет зі сталінських премій.

Paschenya E. I. I. Selvynsky - war correspondent of “forgotten” front, unaccomplished laureate of Stalin Prize // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2012. – Vol. 24 (65). – № 1-2.– P.

The article reveals main life events and work of famous soviet poet I. L. Selvynsky native of Simferopol in a period of serving as a Crimean front war correspondent (January-May 1942 y.) at newspapers “Son of the Fatherland” and “Battle Onslaught”. Circumstances and validity of nomination of the poet on the Stalin Prize for 1942 year and reasons for not becoming a laureate are analyzed.

Keywords: I. Selvynsky, Crimean front, war correspondent, “Son of the Fatherland”, “Battle Onslaught”, Stalin Prize for 1942 year, “I have seen this”, “Russia”, literature process in USSR, Military Commission WU USSR, Stalin Prize Committee.